

Из сказанного видно, что культовая легенда, возникшая вокруг святилища Аполлона в Прасиях, имела основания для выведения гиперборейских даров из Скифии, откуда Аттика в V—IV вв. до н. э. получала не меньше половины всего ввозимого хлеба. В связи с этим следует обратить внимание на то, что несмотря на глубокую древность религиозных представлений, связанных с культом гиперборейского Аполлона на Крите и с культом Гиперохии и Лаодики на Делосе, о гиперборейцах как о реальном северном народе мы узнаем сравнительно поздно. Впервые о гиперборейцах в таком смысле говорит поэт Антимах, автор эпической «Фиваиды», он отождествляет гиперборейцев с аримаспами. Следующее упоминание о народе гиперборейцев принадлежит уже упоминаемому Аристею¹⁸.

Локализация гиперборейцев на севере Скифии приходится, таким образом, примерно на VI в. до н. э.; ее необходимо связать с милетской колонизацией Северного Причерноморья. Что же касается времени возникновения легенды о северо-черноморском маршруте гиперборейских даров, то ему, вероятно, должна соответствовать даже более поздняя дата, совпадающая с началом расцвета афинско-пантийской торговли в V в. до н. э. Геродот, как мы знаем, начальным пунктом маршрута называет Адрию; в умах его современников возникли в связи с легендой о гиперборейских дарах еще совершенно иные ассоциации. Современники Геродота думали при этом, по всей вероятности, о тех путях, по которым из полумифических северных стран в Грецию и Италию доставлялся янтарь, торговля которым всегда носила на себе в древности печать легенды. И лишь версия маршрута, сохраненная Павсанием, вместе с теми дополнениями, какие можно внести в нее на основании новейших эпиграфических и нумизматических данных, позволяет уловить реальную связь Скифии и Тавриды (Херсонес, Пантикапей) через Синопу с Атикой. Этот вариант предания дает законченно представление о пути «гиперборейских даров», символизирующем путь распространения легенды, проложенный по следам реальных культурных и торговых связей греческого мира с миром причерноморско-скифским.

Иногда можно видеть в них жриц богини Девы, главного божества Херсонеса. Но при этом не следует забывать, что древние писатели часто сопоставляли херсонесскую богиню Артемидой, а имя Лаодика, взятое в его, так сказать, гиперборейских связях, является эпитетом Артемиды; могила гиперборейской Лаодики на Делосе находилась, по прямому указанию Геродота, в святилище Артемиды. Вряд ли это могло не быть известным в Херсонесе, основанном при участии делосцев и поддерживавшем в течение ряда столетий тесные культурные связи с Делосом. К тому же имя Лаодика неоднократно упоминается в Херсонесе исключительно двумя указанными надписями.

¹⁸ Antimach., frg. 113; Her., IV, 13—25; Pind., Pyth. X, 30—43

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ИСТРИИ В ПЕРИОД АВТОНОМИИ (по материалам раскопок последних лет)

3. Кондураки

Исследования древней Истрии, начатые выдающимся румынским археологом В. Пырваном более сорока лет назад, были продолжены в последние десятилетия без перерывов и на высоком научном уровне. Эти раскопки ведутся под руководством Академии наук РНР и осуществляются не только в широких масштабах, но и получили новое направление. Если раньше изучались памятники как таковые, то за последние годы когда были начаты исследования на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса, были намечены основные направления в развитии западно-пантийского города Истрии. При этом изучались по мере возможности все периоды развития города и времена его расцвета, и его упадка и привлекались самые разнообразные источники. Современные исследования внесли огромный вклад в понимание сложных социально-экономических процессов и политических событий многовековой истории Истрии, а также способствовали выяснению отношений, существовавших между греческими колонистами и автохтонным населением.

Некоторые результаты и выводы современных исследований были обобщены в первом томе монографии «Истрия», изданной в 1954 г.¹ Более новые данные были опубликованы в последующих томах.

¹ Histria. Monografie arheologică, т. I, 6. м., 6. г., (Bucuresti, 1954); в этом томе обобщены результаты раскопок 1949—1952 гг. (Ср. рецензию П. О. Карышкова, МАСИ, вып. 3. 1960, стр. 279—281.—*Редколлегия*).

кованы в предварительных отчетах, помещенных в специальных периодических изданиях². Краткий очерк истории Истрии содержится и в недавно вышедшем в свет первом томе «Истории Румынии»³. Настоящая статья является лишь небольшой информацией о некоторых результатах работ последних лет.

Совершенно по-новому освещается в настоящее время первоначальный период истории Истрии, время возникновения и развития колонии; эта проблема представляет интерес не только для изучения истории города, но и для изучения истории Румынии в целом. Прежние раскопки были направлены в основном по пути раскрытия сооружений позднего периода жизни города, т. е. эпохи поздне-римской, а исследования первоначального периода развития Истрии производились исключительно на основании материала, добытого путем шурфования в трех пунктах внутри акрополя⁴. Само собою разумеется, что добытый таким способом керамический материал позволил сделать выводы лишь гипотетического порядка. Однако большая часть керамики из акрополя датируется последними двумя десятилетиями VII в. до н. э.

Большой вклад в изучение древнейшего периода Истрии вносят исследования, произведенные на плато, расположенном в 600 м к западу от акрополя, где, начиная с 1957 г., стратиграфически были изучены следы жизни архаической эпохи (VII—VI вв. до н. э.). Основные результаты этих исследований обобщены в статье, опубликованной во втором томе журнала „Dacia“⁵. Следует также добавить, что проведенные в последнее время геологические исследования территории города Истрии внесли немаловажный вклад в понимание условий жизни милетских колонистов в наиболее раннюю эпоху существования поселения.

Самый древний из жилых горизонтов, прослеженных стратиграфически, датируется благодаря ионической керамике концом VII и началом VI в. до н. э.; здесь найдены фрагменты амфор и ангобированных мисок, а также чаш с геометризованным орнаментом (типа, входящего во вторую группу восточной греческой керамики). Таким образом, археологический материал ни стратиграфически, ни типологически не позволяет отнести возникновение колонии Истрии к 656 г. до н. э., т. е. к дате, указанной Евсевием⁶. Действительно, еще в 1954 г. Э. Кондураки счел необходимым сдвинуть дату основания города, связывая при этом наиболее древний керамический материал с временем существования эмпория, предшествовавшего возникновению города⁷. С некоторыми изменениями эта гипотеза подтверждается результатами последних раскопок. Помимо того, в середине VII в. до н. э. не может идти речь о возникновении города, так как исторические условия на берегах Понта и положение Милета в этот период, когда на огромной территории распространилось киммерийское влияние, не позволяли милетянам основать поселение близ устьев Дуная. Наличие спорадически встречающихся материалов третьей четверти VII в. до н. э. и относительно более многочисленных находки керамики, относящейся к предпоследнему десятилетию VII в. до н. э., естественно заставляют предполагать существование в это время лишь эмпория, временной торговой фактории, которая могла бы обеспечить установление первых контактов между милетянами, осевшими на берегу моря, к югу от устьев Дуная, и автохтонным населением внутренних районов Нижнего Подунавья, или, говоря точнее, прежде всего с племенной военной аристократией, как это имело место в других греческих колониях, на побережье Черного моря⁸.

Существование эмпория было недолгим. Тот факт, что первый архаический слой, датируемый 610—580 гг. до н. э., органически связан с двумя последующими слоями как

² Em. Condurachi si colaboratori, Santierul arheologic Histria (1953), SCIV, т. 5, № 1—2, 1954, стр. 69—122; те же, Santierul arheologic Histria (1954), SCIV, т. 6, № 3—4, 1955, стр. 515—557; те же, Santierul arheologic Histria (1955), MCA, т. 4, 1957, стр. 9—101; D. M. Pippidi si colaboratori, Raport asupra activitatii santierului Histria in campania 1956, MCA, т. 5, 1959, стр. 283—328; Em. Condurachi si colaboratori, Santierul Histria (1957), MCA, т. 6, 1959, стр. 265—306; те же, Santierul arheologic Histria (1958), MCA, т. 7, 6. г. (1960), стр. 227—271.

³ Istoria Romaniei, т. I, Bucuresti, 1960, стр. 165—212 (ср. Т. В. Блаватская, Западнопантийские города в VII—I веках до нашей эры, М., 1952.—*Редколлегия*).

⁴ M. Lambrino, Les vases archaïques d'Histria, Bucuresti, 1938; он же, La céramique d'Histria, „Dacia“, т. III—IV, 1927—1932, стр. 362 слл.

⁵ S. Dimitriu et M. Coja, La céramique archaïque et les débuts de la cité pontique d'Histria, „Dacia“, нов. серия, т. II, 1958, стр. 69—92.

⁶ Euseb. Chron., ed. Schoene, Berolini, 1866, т. II, стр. 86—87.

⁷ Histria, т. I, стр. 17.

⁸ A. A. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 18 слл., 34 слл. и др. (Ср. В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, АГСП, т. I, М.-Л., 1955, стр. 23—30; Т. В. Блаватская, укач., стр. 13—52.—*Редколлегия*).

по типу жилищ, так и по заселенной площади, указывает хотя и на скромную, но уже несомненно на городскую жизнь. Да и заселение территории, находящейся на расстоянии около 600 м к северо-западу от акрополя, на возвышениях, более или менее связанных с берегом моря, не было бы возможным в условиях существования небольшого временного эмпория. К этому нужно присоединить и находку, открытую еще до 1943 г. и опубликованную впервые Э. Кондураки⁹. Это фрагмент архаической статуи юноши (так называемый курос), который, несмотря на плохую сохранность, может быть датирован рубежом VII и VI в. до н. э. Статуя изображает Аполлона, по всей вероятности Аполлона Врача, которого милетские мореходы считали своим специальным покровителем. Можно предположить, что в начале VI в. до н. э. в Истрии уже существовал храм, посвященный Аполлону (такой храм упоминается в более поздних эпиграфических источниках).

В свете этих открытий мы можем считать, что возникновению города-колонии предшествовал кратковременный период существования временной фактории. Возникновение последней вызывалось относительно высоким уровнем развития автохтонных племен в этой части современной Румынии. Именно это способствовало быстрому возникновению выгодных и прочных торговых связей между местной военной аристократией и милетскими колонистами. Это обусловило, по-видимому, и относительно мирный характер отношений между ними, без чего было бы невозможным столь быстрое строительство города, возникновение которого на месте эмпория относится к последнему десятилетию VII в. до н. э. Эта датировка подтверждается Псевдо-Скимном (примерно 613 г. до н. э.)¹⁰. К этому времени внутренние волнения в Милете, борьба между бедняками и богатыми гражданами, а также изменившееся положение на берегах Понта способствовали развитию обширной колонизаторской деятельности¹¹. В последние годы VII в. здесь возникает город Истрия, обитатели которого заселили в дальнейшем и территорию к западу от акрополя, образовав довольно скромный по своей внешности, но густо населенный квартал; жизнь в этой части города длилась непрерывно на протяжении всего VI в. до н. э.

Второй архаический слой Истрии характеризуется наличием многочисленных фрагментов родосской керамики, среди которых замечателен фрагмент ойнохи с изображением дикого козла, датруемый временем около 570 г. до н. э.¹² В меньшем количестве найдены и фрагменты керамики коринфского и аттического происхождения. Совместно с ними продолжают встречаться различные типы амфор, кубков и чаш ионийского производства.

Хозяйственная жизнь города и в первую очередь экономические отношения между колонистами и местным населением продолжают развиваться. Об этом свидетельствуют находимые в Истрии в незначительном количестве обломки местной гальштадтского типа. С другой стороны, значительно возрастает количество греческой керамики в курганных погребениях местного населения. К концу этого периода и на находившемся вблизи Истрии поселении аборигенов у Тариверде зарегистрировано большое число фрагментов греческой керамики; все это указывает на глубокое проникновение в среду местного населения привезенных греками товаров. Наконец, в 1960 г. в нескольких километрах от города в селе Истрия обнаружен гето-дакийский некрополь, где в погребениях наряду с гальштадтской керамикой найдены и греческие сосуды, среди которых следует отметить аттическую чашу середины VI в. до н. э. Укрепление связей с местным населением не только было чрезвычайно важно для развития города, но и играло, по-видимому, прогрессивную роль в ускорении процесса разложения первобытно-общинного строя у гето-фракийских племен¹³.

Третий архаический слой Истрии выделяется уровнем степени заселения городской территории и богатством керамического материала. Это свидетельствует о дальнейшем развитии города. Этот слой датируется второй половиной VI в. до н. э. и характеризуется появлением аттической керамики, число которой все время увеличивается. Фрагменты

⁹ E. M. Condurachi, Contributii la studiul epocii arhaice la Histria, „Omagiu lui C. Daicoviciu“, Bucuresti, 1960, стр. 111—120.

¹⁰ Scymn. Peripl., vv. 768—772, ed. C. Mueller, Berolini, 1861.

¹¹ Эта деятельность была, по-видимому, вызвана активностью всех ионян, через которых Милет устанавливал связи между своими колониями и городами Малой Азии; исходя из этого предположения можно было бы объяснить и разнообразие ионийской керамики, находимой в Истрии. Ср. S. Dimitriu et M. Coja, ук. соч., стр. 77.

¹² S. Dimitriu et M. Coja, ук. соч., стр. 80—81, рис. 3, 12 (ср. Claga Rhodos, т. III, стр. 76, рис. 67).

¹³ Н. И. Соколовский и Д. Б. Шелов, Историческая роль античных государств Северного Причерноморья, «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 46—54.

«малых мастеров» (Kleinmeisterschalen) являются самыми частыми находками аттической керамики; кроме того, следует отметить находку двух фрагментов панафийских амфор в одном из жилищ с погребом, давшим вообще очень обильные керамические материалы, датруемые концом VI в. до н. э. К тому же времени относятся многочисленные фрагменты керамики типа фикеллура, среди которых заслуживает внимания фигула с антропоморфным орнаментом, найденная в 1956 г. и датруемая временем около 530 г. до н. э.¹⁴.

Возрастающее влияние греков на местное население хорошо прослеживается и в ряде интереснейших курганных погребений. Во время раскопок курганного некрополя, расположенного рядом с городом, за последние три года открыто несколько фракийских погребений с неожиданным и специфическим ритуалом¹⁵. Те четыре кургана (№№ XII, XVI, XIX, XX), о которых идет речь, имеют в центре почти круглую площадку, в середине которой располагался костер; сожжение делалось на месте. Рядом с костром или непосредственно среди остатков кострища найден инвентарь, состоящий почти исключительно из архаической греческой керамики, среди которой следует отметить чашу «малых мастеров» с фризом, украшенным изображением быков и львов (курган XVII), фрагмент ойнохи типа фикеллура (курган XIX), обломок аттического чернофигурного лекифа с пришествивной сценой и фрагмент аттической чернофигурной гидрии-кальпиды (курган XII). Эта керамика датирует погребения третьей четвертью VI в. до н. э.¹⁶ При этом следует отметить, что совместно с греческой керамикой найдено несколько фрагментов местной гальштадтской керамики. Вокруг костра шла круговая канава, расположенная местами под насыпью кургана, местами вне насыпи. Здесь же расположено большое количество человеческих и лошадиных скелетов, сосредоточенных у края кургана¹⁷. Несожженные, не лежащие в ритуальном положении и почти лишенные инвентаря, они похожи на кровавую икупительную жертву. Это первое свидетельство о существовании таких погребальных обрядов на территории современной Румынии; тип кургана и способ сожжения лица, погребенного в центре кургана, находят себе аналогию в фракийских некрополях в Езерово, Вайлово и Дуванлии, но характер и смысл жертвоприношения вокруг центрального кострища отличаются от находок такого типа в соседних странах. В самом деле, у скифов северо-причерноморских степей, в курганах среднего Поднепровья, Крыма или Кубани, жертвоприношения исходят из совершенно иных побуждений и носят икупительный характер¹⁸. В истрийских курганах бросается в глаза отсутствие инвентаря и абсолютно неритуальное расположение скелетов, в котором нет и тени уважения к умершим. Эти особенности указывают, по-видимому, на жертвоприношение нового порядка, скорее всего на избивание пленников в честь умершего вождя (ср. «Илиада», XXIII, 161—179).

Эти своеобразные погребения делают, с одной стороны, совершенно несомненным наличие фракийского населения в непосредственной близости от города; с другой стороны, находки именно в этих курганах фрагментов художественной греческой керамики свидетельствуют о тесных экономических связях верхов племенной знати с греческими колонистами. Благодаря этим отношениям на последнем этапе архаического периода реуспевание города все быстрее растет, теперь впервые под защитой оборонительной стены. Речь идет о массивной стене с каменным фундаментом и надстройкой из больших обожженных кирпичей, найденной в результате раскопок 1955 и 1959 гг. к югу от римских стен¹⁹. Эта оборонительная стена окружала современное плато, ограничивая древнее поселение внутри его пределов. Она была возведена в середине VI в. до н. э. и одновременно некоторым жилищам второй половины VI в. до н. э. Стена была разрушена пожарами и заброшена, по-видимому, к концу столетия, когда архаическое поселение преобразует свое существование в северной зоне плато (раскоп X), также в результате сильного пожара. Примерно в это же время кончается и архаический период жизни в помпавшемся выше поселении Тариверде. Возможно, что сильный пожар и уход населения были связаны с прохождением через эту зону отступающих войск Дария в 514—513 гг. до н. э. или преследовавших его скифов.

Как бы то ни было, внешние потрясения, более или менее сильные, не прекратили жизни города. Истрия в V в. до н. э. достигла расцвета и полъема, быть может, самого

¹⁴ S. Dimitriu et M. Coja, ук. соч., стр. 84, рис. 5, 1—3 (ср. Claga Rhodos, т. VIII, стр. 113, рис. 1⁰²).

¹⁵ P. Alexandrescu et V. Eftimie, Tombes thraces d'epoque archaïque dans la necropole tumulaire d'Histria, „Dacia“, нов. серия, т. III, 1959, стр. 143—164.

¹⁶ MCA, т. 6, стр. 289—299, рис. 13, 2—3; т. 7, стр. 255—264.

¹⁷ Исключением является курган XII, где скелеты помещены в двух больших ямах.

¹⁸ E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 149 слл.

¹⁹ Можно указать аналогии в Дни-Тиритаке (VI—V вв. до н. э.), в Афинах, в Геле (V в. до н. э.).

высокого за все время своего существования. Правда, заселенная площадь города несколько сокращается, но это указывает скорее на то, что внешняя опасность, уничтожившая в конце VI в. до н. э. жилища северо-восточного квартала, была огромной. О том, что эта опасность оставалась и в V в. до н. э., можно судить на основании установившейся раскопками концентрации населения вблизи акрополя, под защитой рва и оборонительной стены, датированных V в. до н. э.²⁰ Фундамент этой стены раскрыт на протяжении почти 40 м по направлению с северо-запада к юго-востоку; он построен из местного зеленого-сланца на глиняном растворе и состоит из двух частей, отчасти органически связанных, отчасти не связанных между собой. Верхний уровень фундамента ровный, что говорит об его отдельной надстройке. Смысл и характер указанной надстройки точно определить невозможно. Стена разрезает пол жилища конца IV в. до н. э. Внутри, на предполагаемом дневном уровне стены, был найден пол другого жилища с материалом V в. до н. э.

Оборонительная стена, как и другие памятники (например, храм А, относящийся к этому периоду)²¹, являются еще одним доказательством интенсивности городской жизни Истрии в V в., что явилось результатом глубоких социально-экономических изменений, имевших место именно в этот период. Непрерывное развитие экономических связей с местным населением (интенсивность торгового обмена особенно заметно в Тариверде) к тому же в условиях существования Одрисского государства близ устья Дуная, с одной стороны, и усиление связей с греческим миром и в особенности с Афинами, с другой стороны; начало местного производства различных товаров; окончательное оформление границ сельской территории, принадлежащей городу; чеканка собственной монеты; интенсификация строительной деятельности, в том числе возведение упомянутой оборонительной стены — все это свидетельствует о вступлении милетской колонии в новый период своего существования, когда Истрия становится сравнительно крупным производственным центром. Красноречивым доказательством этого являются находки в секторе Z₂, относящиеся к IV в. до н. э. Здесь наряду с разнообразной импортной керамикой найденной в различных местах и особенно в одной из ям, исследованных в 1958 г., открыта печь (по-видимому гончарная), круглая в плане, а в центре печи найдена миска, покрытая светло-розовым ангобом и расписанная красной краской таким же образом как и остатки кирпичей из упомянутой выше ямы. Все это позволяет сделать вывод о наличии в городе гончарного производства.²²

Экономический расцвет Истрии в V—IV вв. до н. э. ведет к значительным изменениям в социальном составе населения и в положении различных социальных групп. Результатом этого был, как и в городах греческой метрополии, переход власти от аристократической олигархии к широким слоям демоса, утверждение в Истрии рабовладельческой демократии.²³

К концу IV в. до н. э. Истрия переходит вместе со всем греческим миром в эллинистический период своей истории.²⁴ За исключением сравнительно короткого периода господства Лисимаха, Истрия и в III—II вв. до н. э. оставалась самостоятельным полисом, положение которого было аналогично положению прочих греческих городов Западного Понта. Археологические раскопки позволяют заключать об относительно процветании города. В Истрии в это время даже на окраинах строили жилища на каменных фундаментах; развивалась торговля, расширялось денежное обращение. Однако относящиеся к этому времени эпиграфические документы указывают на серьезный внутренний кризис, особенно во II в. до н. э.²⁵ Речь идет не о простом противоречии в сохранившихся источниках, а о противоречиях в самом процессе исторического развития, что в конце концов заставило граждан Истрии отказаться от своей независимости.

²⁰ MCA, т. 7, стр. 250—255, рис. 18, ср. табл. VII.

²¹ MCA, т. 4, стр. 10—16; т. 5, стр. 283—288; т. 6, стр. 265—271 (ср. также т. 7, стр. 229—234; „Dacia“, т. I, стр. 246—266).

²² MCA, т. 7, стр. 250—255.

²³ Aristot. Polit., VIII (V), 5, 2; ср. Histria, т. I, стр. 22—34, 246—266; Istoria României, т. I, стр. 170—180 (ср. Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 49—50, стр. 64 сл. — *Редколлегия*).

²⁴ E. M. Condurachi, Contributia săpăturilor arheologice organizate de Academia RPR la Histria la cunoașterea perioadei elenistice în Dobrogea, SRIR, т. I, 1954, стр. 61—97; он же, II periodo elenistico în Dobrogea alla luce degli scavi archeologici a Histria, „Akmè“, т. XI, вып. 1—3, 1958, стр. 7—28; Эм. Кондураки, Эллинистический период в Добрудже в свете археологических раскопок в Истрии. „Dacia“ нов. серия, т. III, 1959, стр. 217—234 (ср. сборник „Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики“, Кишинев, 1960, стр. 175—196. — *Редколлегия*).

²⁵ Histria, т. I, стр. 44—48, 476—494.

Внимательный анализ строительных остатков подтверждает данные эпиграфических документов об обострении социальных противоречий в эллинистической Истрии. С одной стороны, еще в самом начале эллинистического периода отмечается поднятие уровня жизни даже на периферии города, где находим упомянутые дома с каменными фундаментами²⁶. Но это благополучие было доступно немногим. Из надписей мы знаем о накоплении огромных богатств в руках отдельных жителей города. Один из них, купец из Фасоса Писистрат, сын Мнесистрата, в конце этого периода соорудил за свой счет мраморный храм, посвятив его синкретическому божеству — «Великому богу». Этот храм является первым сооружением такого типа, поддающимся реставрации, а также первым произведением искусства столь огромной ценности, обнаруженным в колониях Западного Причерноморья²⁷. Храм представляет немалый интерес и для истории архитектуры, ибо строители придерживались до мельчайших подробностей тогдашних канонов храмостроительства, ввиду чего храм, сооруженный Писистратом в Истрии, аналогичен многим храмам Малой Азии²⁸. Этот памятник указывает и на ряд немаловажных моментов из истории города, особенно на тесные связи с греческим миром, в частности с Фасосом, с одной стороны, а с другой — на концентрацию огромных богатств в руках некоторых граждан города, среди которых был и уроженец Фасоса Писистрат. Кроме этого, храм является составной частью ансамбля священного участка этого периода, где находились также храмы Аполлона, Афродиты и другие более поздние храмы²⁹.

Эта широкая строительная деятельность в центральной части города представляет резкий контраст, и по масштабам и по качеству, по отношению к бедным сооружениям на окраинах города. Такие контрасты становятся еще более явными при изучении двух последующих слоев эллинистического периода. На одной стороне — несколько граждан или приезжих купцов, обладающих огромными богатствами; на другой стороне — многочисленные бедняки, вынужденные селиться за пределами городских стен. Эти бедняки являлись основными производителями материальных благ, но их тяжелое положение было источником постоянных волнений, о которых упоминают надписи этого времени³⁰. К этому необходимо добавить возрастающую внешнюю опасность. Все это заставляет Истрию (или, вернее, господствующую прослойку города) отречься от своей независимости. При наличии традиционных тесных связей с автохтонным населением, истрийцы в III в. до н. э. признавали над собой власть Залмодегика, одного из гетских «царьков», который в какой-то мере защищал се от нападений извне; интересная надпись, найденная в 1959 г., дает ценные указания на эти политические связи между греками и автохтонами³¹. При этом, по-видимому, не была затронута суверенность города, но вместе с тем покровительство местных правителей не давало правящим верхам города достаточной гарантии против внешней опасности или выступлений бедноты. Господствующая прослойка жертвует независимостью Истрии, чтобы под покровительством Митридата, затем римлян на несколько веков сохранить рабовладельческое общество, вступающее уже в эпоху кризиса³².

²⁶ Эм. Кондураки, ук. соч., Материалы и исследования..., стр. 181, рис. 4. — *Редколлегия*.

²⁷ G. Bordenache et D. M. Pippidi, Le temple du Théos Mégas à Istros BCH, т. 83, вып. 2, 1959, стр. 455—465; см. также MCA, т. 6, стр. 269—271, табл. III—III (ср. Эм. Кондураки, ук. соч., Материалы и исследования..., стр. 182—183, рис. 5, 7. — *Редколлегия*).

²⁸ Ср. остатки милетского булевертия, храма Афины Полнады в Приене и святилища Кабиры на Самофраке.

²⁹ Эм. Кондураки, ук. соч., Материалы и исследования..., стр. 182—183, рис. 6. — *Редколлегия*.

³⁰ Histria, т. I, стр. 498—503.

³¹ D. M. Pippidi, Stiri noi despre legăturile Istriei cu getii în epoca elenistică, SCIV, т. 11, № 1, 1960, стр. 39—54.

³² Histria, т. I, стр. 48—51 (ср. Эм. Кондураки, ук. соч., Материалы и исследования..., стр. 194—195; Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 159 сл. — *Редколлегия*).